

Цзи Чжайсин шёл рядом, слегка опустив глаза, наблюдая, как утренний свет пробивается сквозь листву и играет на земле.

Его кожа была белоснежной, а профиль столь изысканным, словно вся нежность лунного света сосредоточилась на нём одном. Тань Лан, время от времени бросая на него взгляд, невольно отвлекался. Услышав, как Тань Лан пытается дистанцироваться, Цзи Чжайсин не рассердился, лишь слегка наклонил голову:

— Конечно.

Тань Лан опустил взгляд и ускорил шаг.

Они жили на разных склонах, и Цзи Чжайсин шёл с ним лишь из вежливости. Теперь, когда Тань Лан дал понять, что хочет разойтись, Цзи Чжайсин уже подумал, какой путь будет быстрее.

Но вдруг услышал невнятный вопрос от того, кто шёл впереди.

— У тебя есть время завтра?

...

Все говорили, что Тань Лан в последнее время изменился, месяц не покидал Секту Юйшуй, и новости о его прогрессе в практике радовали. Из известного всему миру культиватора-гуляки он превратился в нового стремящегося к Дао знаменитого практикующего.

Даже его друзья невольно жаловались, что без винных вечеров Тань Лана стало скучно.

А некоторые молчали.

Они догадывались о причине.

Возможно, это было из-за... Цзи Чжайсина.

Такой человек, при первом взгляде на него, вызывал желание завладеть им, спрятать как сокровище. Лишь Тань Лан, имея к нему предубеждение, позволял себе быть открытым и демонстративным.

Но теперь и он изменился.

Он скрыл все свои взгляды, и у них не было никаких оснований для упреков.

На самом деле Тань Лан изначально не задумывался обо всём этом.

Он почти с чувством вины общался с Цзи Чжайсином, потому не мог предложить ему ничего, что могло бы усугубить его раны.

Даже развлекательные места не подходили Цзи Чжайсину. Выбор был крайне ограничен.

Потому в итоге Тань Лан решил спросить мнение Цзи Чжайсина.

— Чем бы ты хотел заняться? — слегка задумавшись, Цзи Чжайсин поднял голову, и прядь чёрных волос упала на его ключицу.

— Давай почитаем, — слегка улыбнулся он. — В Павильоне Цигуан на втором этаже я дочитал только половину книги о демонических существах.

Секта Юйшуй, в отличие от Секты Меча Минлин, не обладала огромными архивами древних текстов, где каждый свиток был запечатлён в нефритовых табличках с помощью мощной духовной энергии. Однако их коллекция древних рукописей также была обширной, и, несмотря на различия в носителях, их цель передачи знаний оставалась неизменной.

Цзи Чжайсин пытался влиться в этот мир реинкарнации своим способом.

Конечно, он не осознавал, что его восприятие уже значительно отличалось от общепринятого.

Тёплый и послушный взгляд Цзи Чжайсина, его мягкий тон, больше похожий на обсуждение, заставили Тань Лана, который уже собирался сказать «скучно», лишь сдержанно произнести:

— Хорошо.

...

— Сегодня пойдём к духовному каналу, я хочу посмотреть, как выглядят молодые ростки волновой травы.

— Тайна искусства управления духами всё ещё остаётся для меня загадкой, мне нужно продолжать практиковать.

— Сегодня Павильон Цигуан закроется позже обычного.

Не то чтобы они вместе практиковались или читали, но Тань Лан терпеливо сидел. И хотя он не был глупым, за этот месяц практики он смог сдвинуть с места свой давно застывший уровень, достигнув пика Заложения Основы.

Тань Лан был в замешательстве.

Он привык к свободе и иногда хотел покинуть секту. Цзи Чжайсин никогда его не останавливал, но каждый раз, когда Тань Лан собирался уйти, он вспоминал бледный профиль Цзи Чжайсина и его улыбающиеся глаза.

А ещё его странное безразличие к боли, небрежность к ранам и постоянная практика без отдыха.

Тань Лан всё больше задумывался, и его лицо становилось всё мрачнее, так что он возвращался менее чем через полчаса.

Те ученики Секты Юйшуй, которые знали, что он не любит старшего брата Чжайсина, с подозрением наблюдали за Тань Ланом, но теперь были вынуждены признать, что ошибались.

Их мирное время вместе продолжалось, пока не настал момент, когда их пути снова разошлись.

До тех пор, пока наследник рода Жун, Жун Чжоу, не посетил Секту Юйшуй, и Тань Лан случайно столкнулся с ним.

— Тань Лан, — Жун Чжоу, наблюдая за поспешно уходящей спиной и напряжённой фигурой, не удержался и окликнул его.

Жун Чжоу был красив и изыскан, хотя немного худощав. Он с горькой улыбкой сказал:

— Когда ты не нуждаешься во мне, ты даже не хочешь на меня смотреть, да?

Тань Лан остановился.

Он обернулся к Жун Чжоу и через некоторое время ответил:

— Это не так.

— Я знаю, кого ты тогда попросил меня вылечить. Цзи Чжайсин, так это он, — продолжил Жун Чжоу. — Я слышал, что в последнее время у вас хорошие отношения.

Тань Лан не стал отрицать.

Жун Чжоу рассмеялся, даже его плечи слегка дрожали:

— Но ты забыл, как он забрал у тебя всё. Родительскую любовь, доверие товарищей, включая ту девушку, которая тебе нравилась в юности.

Тань Лан с раздражением нахмурился:

— Какое это имеет отношение к тебе...

— Тань Лан, — тихо произнёс Жун Чжоу, — но глава секты Тань готовит для Цзи Чжайсина путь к бессмертию, отдавая ему единственный шанс достичь среднего мира. Ты их единственный сын. И даже теперь ты не ненавидишь Цзи Чжайсина?

Этой ночью не было ветра.

Тёплый оранжевый свет пожирал ночное небо, заменяя звёзды, и бесчисленные фонарики поднимались вверх, заполняя каждый уголок Секты Юйшуй.

Цзи Чжайсин слегка запрокинул голову, и свет упал на его бледную кожу, осветив каждую черту его лица, чёрные волосы и алые губы, делая его похожим на картину.

Каждый бы полюбил его.

Тань Лан подумал об этом.

Он едва сдерживался, словно мучая себя, постоянно вспоминая слова Жун Чжоу.

— Хотя говорят, что только достигнув уровня Зарожденной Души можно попасть в средний мир, но с Жетоном Восходящего Дракона и поддержкой десяти великих мастеров Золотого Ядра, можно преодолеть этот предел. Тань Лан, глава секты Тань просит моего отца помочь в этом, но человек, которого он хочет отправить, — не ты. Знаешь, что забавно? Другие мечтают о верхнем мире, а Цзи Чжайсин отвергает его. Но всё равно находятся те, кто готов подарить ему этот светлый путь.

Тань Лан едва сдерживал гнев, обращаясь к Жун Чжоу. Но тот не злился, его взгляд был полон привязанности и радости, которая заставляла дрожать.

— Тань Лан, только я на твоей стороне.

—

— Тань Лан.

Эти слова были произнесены мягко и тепло, совсем другим голосом, чем у Жун Чжоу, и мгновенно вывели Тань Лана из задумчивости.

Цзи Чжайсин слегка наклонил голову, и тёплый свет играл на его длинных ресницах, словно яркая родинка рядом с глазом.

— Ты задумался.

Тань Лан должен был злиться на Цзи Чжайсина. Завидуя его исключительной любви, ненавидя его за то, что даже при такой предвзятости он сам не мог продолжать свою вражду.

Но даже сейчас его голос не звучал жёстко, он лишь отвел взгляд и холодно сказал:

— Нет.

Цзи Чжайсин задумчиво произнёс:

— Ты, кажется, не в духе.

Черноволосый практикующий слегка приблизился, и край его одежды почти коснулся руки Тань Лана. Тонкий, едва уловимый аромат, похожий на свежий снег на сосне, окружил его.

Тань Лан резко отреагировал. Он застыл и отступил на несколько шагов:

— Не подходи так близко.

Словно Цзи Чжайсин был каким-то чудовищем.

Цзи Чжайсин слегка замедлил шаг и спросил:

— Ты злишься на меня?

Тань Лан уже давно заметил, что Цзи Чжайсин был невероятно терпелив с теми, кого знал. Даже сейчас, когда его отталкивали, он лишь слегка опустил взгляд и спокойно спросил.

Это никогда не было его ошибкой.

Тань Лан снова сказал:

— Нет.

Все те же два слова.

Волны фонариков уже поднялись в небо, заполнив его. Цзи Чжайсин, услышав ответ Тань Лана, не стал настаивать, лишь слегка повернул голову, и в его глазах отразился тёплый оранжевый свет.

— Праздник Цимин продлится три дня, и завтра будет столько же фонариков. Тань Лан, ты завтра...

— Цзи Чжайсин, — перебил его Тань Лан, слегка отворачиваясь, стараясь стереть из памяти все образы, связанные с Цзи Чжайсином.

Боль и растерянность.

— Быть с тобой... действительно немного скучно, — сказал Тань Лан. — Твои раны, кажется, уже зажили.

Он мягко, но ясно дал понять, что их отношения подошли к концу.

<http://bllate.org/book/15565/1385376>